

Звук извлечения меча Тайэ из ножен прозвучал долгим, медленным скрежетом металла. Се Юнь прищурился, его ресницы отбросили густые тени на кончиках. В этих тенях зрачки вновь вспыхнули ледяным, ярким блеском. По мере того как ночные облака постепенно заслоняли луну, этот холодный свет становился всё тоньше и острее.

— Инь... Кайян, — тихо, по слогам произнёс он.

Шорох листьев смешивался с едва уловимыми шагами, которые наконец приблизились. Фигура, возвышаясь, появилась на вершине дерева неподалёку.

Казалось, он шагал прямо с небес. Незнающий человек мог бы принять его за нисшедшего бессмертного даосского небожителя. Но Се Юнь знал, что на самом деле это было проявление высшего мастерства лёгкой поступи Поступь по облакам. Хотя её и называли лучшим искусством лёгкого шага в мире боевых искусств за последние сто лет, её практическая польза в основном заключалась в...

— Хороший ученик должен заменять учителя, а ты наоборот требуешь, чтобы ученик тебя спас, — прибывший остановился, всё ещё возвышаясь, и рассмеялся издалека. — Иньтяньцин, ты сильно заблуждаешься.

— Полагаешься на мистику и пугаешь призраками, — тихо произнёс Се Юнь.

На лице Инь Кайяна была серебряная маска, точно такая же, как у Се Юня. Черты лица разглядеть было невозможно, но очертания нижней части лица были куда более резкими и выразительными. Он стоял на самой верхней ветке, тонкой, как палец, и лишь слегка прогнувшейся под его весом, так что казалось, будто он парит в воздухе. Чёрные одежды развевались на ночном ветру, словно парящий высоко в небе ястреб.

Внизу же Се Юнь, чьи рукава развевались на ветру, стоял, опираясь на меч. Он поднял руку, чтобы убрать за ухо прядь волос, которую ветер относил к его лицу. Его профиль в тени напоминал глыбу холодного, прозрачного льда, и лишь крошечный отблеск в уголке глаза отливал зловещим зелёным.

Двое противостояли друг другу на расстоянии. Рука Се Юня, сжимавшая рукоять меча, напряглась у его бока, как вдруг Инь Кайян небрежно заговорил:

— Ошибаешься, Се Юнь. Если бы мы не полагались на мистику и не пугали призраками, разве Четыре святых клана дожили бы до наших дней? Разве мы с тобой стояли бы здесь?

Его голос не был громким, возможно, даже звучал несколько низко, но каждое слово отчётливо раздавалось в ушах, словно говорящий находился вплотную.

Однако Се Юнь не подхватил эту тему, а прямо, пристально глядя на него, спросил:

— Скрытые врата уже несколько лет как покинули столицу, их влияние в мире боевых искусств процветает. Почему вы внезапно решили вернуться?

Инь Кайян усмехнулся:

— Что ты только что сказал?

— Почему вы внезапно...

— Предыдущую фразу.

— ...Ваше влияние в мире боевых искусств процветает.

— Вот именно. Раз уж мы покорили мир боевых искусств, следующий шаг — естественно, вернуться ко двору. Иначе разве мы вечно будем довольствоваться положением среди простонародья мира рек и озёр?

Выражение лица Се Юня слегка изменилось, но Инь Кайян сохранял безмятежный вид, словно только что вёл неспешную беседу о прошлом, и даже улыбка на его лице ни на йоту не изменила своего изгиба.

— ...Врата Духов и Призраков ещё не покорили мир боевых искусств, — наконец, спустя мгновение, произнёс Се Юнь. — Удан, Шаолинь, Хуашань, Кунтун... великие школы разбросаны по горам и рекам. Даже если вы убили старого мастера Поместья Ковки Мечей, этот простонародный сброд выберет нового лидера боевых искусств...

Инь Кайян перебил его, казалось, ему было очень интересно:

— А как ты думаешь, зачем я лично проделал этот путь?

Се Юнь отступил на полшага назад и увидел, как Инь Кайян внезапно сделал шаг с кончика ветки — казалось, он на мгновение замер в пустоте, а затем исчез.

В следующее мгновение он материализовался прямо перед Се Юнем и протянул руку, чтобы нажать на его грудь.

Ледяной, бурный поток внутренней энергии ворвался в важную точку на его груди. Привкус крови мгновенно подступил к горлу Се Юня, но он с силой сглотнул его и отлетел назад.

Всё произошло в мгновение ока. В тот же миг, как тело Се Юня сдвинулось с места, остриё меча Тайэ снизу вверх, под совершенно немыслимым и скрытым углом, нанесло ответный удар. Этот удар можно было назвать вершиной фехтовального мастерства, но Инь Кайян, будто имея глаза по всему телу, лишь слегка сместился и uklonился.

Затем он выхватил меч обратным хватом. В момент, когда клинок покинул ножны, казалось, хлынула невидимая чёрная аура. Громкий лязг — меч тяжёлым ударом парировал скользящий удар клинка Тайэ.

Искры пробежали вдоль скрестившихся клинков, отразившись в глазах обоих.

Се Юнь потянул руку, чтобы вырвать меч, но Тайэ был мёртвой хваткой зажат чёрно-золотым длинным мечом. Расстояние между ними не превышало полтора метров, они почти вплотную, один за другим, промчались через внутренние покои императорского дворца. В темноте мимо Се Юня проносились бесчисленные искусственные скалы, заросли деревьев, павильоны и террасы. Его лёгкий шаг становился всё быстрее, почти достигнув предела, а зелёный холодный блеск в его глазах разгорался всё ярче...

— В Поместье Ковки Мечей, против Цзин Лина, ты уже активировал печать один раз, — улыбаясь, произнёс Инь Кайян. — Хочешь активировать её снова и умереть здесь?

Се Юнь дёрнулся, почувствовав, как ветер позади него изменил направление. На его пути отступления оказалось огромное древнее дерево, и uklonиться было уже совершенно

невозможно.

В этот момент кожа Инь Кайяна, обнажённая на теле, претерпела изменения. Татуировка со слабым белым свечением поползла со спины на грудь, быстро поднялась по шее к лицу, затем по руке спустилась до пальцев, сжимающих меч, и наконец перекинулась на чёрно-золотой клинок.

Каждое слово Се Юня, казалось, выходило сквозь зубы:

— Печать... Чёрной... Черепахи...

Инь Кайян улыбнулся, взмахнул мечом. Длинный клинок, несущий огромную силу активированной Печати Чёрной Черепахи, не знал преград, сокрушая всё на своём пути, и стал прижимать меч Тайэ, сантиметр за сантиметром.

Затем, в тот момент, когда спина Се Юня вот-вот должна была неизбежно столкнуться с деревом, Инь Кайян поднял другую руку, уже полностью покрытую узорами, и ладонью легко, небрежно нажал на область левой части груди Се Юня.

Бум.

На самом деле звука не было, но в ушах Се Юня казалось, будто все внутренности одновременно разорвались, кости и сосуды лопнули на части, а весь мир после грохота превратился в мёртвую тишину.

Половина его тела была вдавлена в ствол дерева, бесчисленные трещины расползлись во все стороны от центра, а затем всё дерево издало глухой звук, сотрясаясь с самого корня.

Кровь, скопившаяся в горле Се Юня, наконец хлынула фонтаном.

Бульк.

Кровь хлынула потоком. Инь Кайян с лёгким удивлением опустил взгляд и увидел, что левая рука Се Юня бессильно повисла, а в ладони зажат окровавленный обломок ножен меча — и острый обломок ножен вошёл ему под правые рёбра.

В решающий момент Се Юнь использовал последние остатки внутренней силы, чтобы разломить бело-золотые ножны Тайэ, и, используя их как лезвие, нанёс ответный удар, ранив Инь Кайяна.

— Кх-кх-кх... — Инь Кайян прикрыл рану, вытер кровь, выступившую в уголке рта, и усмехнулся. — Не зря я тебя учил, молодец... Прежние навыки ещё не полностью утратил.

Татуировка быстро поползла с его тела обратно на спину, свечение поблёкло и исчезло, словно её и не было. В то же время колотая рана под его правыми рёбрами постепенно перестала кровоточить, и вскоре даже боль исчезла.

При активации печати функции тела достигают предела, и даже самые тяжёлые раны могут быстро зажить. Однако после активации печати немедленно наступает период постепенно ускоряющегося истощения, что даже значительно сокращает продолжительность жизни. Это закон, которого на протяжении долгого времени бесчисленное множество людей не могли избежать, кроме одного человека — Инь Кайяна.

Инь Кайян отряхнул с полы одежды ещё не высохшую кровь, непринуждённо подошёл, пощупал пульс за ухом Се Юня — на кончиках пальцев ещё можно было ощутить слабую пульсацию.

— Не умер, — тихо произнёс он, и нельзя было понять, сожалеет он или радуется.

Глаза Се Юня были полузакрыты, взгляд под ресницами расфокусирован, и, если не присматриваться, нельзя было заметить, что грудь ещё слегка вздымается. Его лицо было почти как тонкий, прозрачный лист рисовой бумаги, единственным цветом были губы, пропитанные кровью, которые при лунном свете приобретали жутковато-притягательную яркость на фоне бледности.

Инь Кайян слегка приблизился и неспешно произнёс ему на ухо:

— Слушай внимательно.

— Первый император собрал оружие со всей Поднебесной, доставил его в Сяньян, переплавил и отлил двенадцать бронзовых статуй, положив тем самым начало объединённым землям на десять тысяч поколений. Храбрецы используют силу, чтобы нарушать запреты, поэтому для укрепления императорской власти необходимо сначала уничтожить оружие. Так же и правление двора над так называемым миром боевых искусств.

— Прерванный турнир боевых искусств в Поместье Ковки Мечей перенесут на гору Тайшань — это редчайшая возможность.

Расфокусированный взгляд Се Юня наконец постепенно собрался, палец судорожно дёрнулся.

— Не двигайся, — Инь Кайян прижал его окровавленный палец и усмехнулся. — Три месяца не сможешь использовать боевые искусства, тебе лучше отдохнуть.

Затем он отступил на несколько шагов, вежливо кивнул, и его тон стал дружелюбным, словно при встрече со старым знакомым:

— Тебе нужно лишь внимательно наблюдать, что такое полагаться на мистику и пугать призраками, и что такое настоящее управление духами и подчинение призраков...

Чертог Цяньтай.

Глухой звук сотрясения деревьев передался по земным жилам. На драконовом ложе император открыл глаза, в панике сел и воскликнул:

— Императрица! Императрица!

<http://bllate.org/book/15578/1387289>